УДК 347

Истомин Максим Александрович (mistomin1997@gmail.com)
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического университета
Maxim A. Istomin
Ural State Law University
Institute of The Prosecutor's Office, Student

Научный руководитель:
Степанов Сергей Аркадьевич
Профессор кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
Доктор юридических наук
Academic supervisor:
Sergey A. Stepanov
Professor of Civil Law department
Ural State Law University
Doctor of Juridical Sciences

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ
THE ISSUE OF THE ESSENCE OF THE DIGITAL RIGHTS

Аннотация: В работе исследуется новый для отечественного законодательства объект гражданских прав – цифровое право, являющееся разновидностью субъективных имущественных прав. Автор выделяет типы цифровых прав (токенов), сравнивая объект с другими и анализируя правоотношенияпо поводу него, раскрывает, с одной стороны, значимость появления цифровых прав в законодательстве РФ и возможность включения данных объектов в гражданский оборот, но с другой – указывает на проблему отсутствия регулирования в современном гражданском законодательстве.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровое право, токены, бездокументарные ценные бумаги, имущественное право.

Abstract: The author analyses the new object of civil rights in Russian legislation, the digital rights, which are considered to be a type of subjective property rights. The author highlights the kinds of such digital rights (tokens), comparing this object to others and by analysing the legal relation involving the object. The author points out that, on the one hand, the importance of appearance of such subjective digital rights, and, on the other hand, at absence of the certain regulation in the Russian civil law nowadays.

Keywords: objects of civil rights, digital rights, tokens, undocumented securities, property law.

С 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых правах)[1], предусматривающий введение ряда новелл, направленных на адаптацию гражданского законодательства к условиям цифровых отношений. Также на рассмотрении в Государственной Думе находятся схожие по тематике проекты Федеральных законов «О цифровых финансовых активах»[2] (далее – законопроект № 419059-7) и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»[3] (далее – законопроект № 419090-7). В конечном итоге, данные меры направлены на создание базовых условий для развития цифровой экономики и регулирование обращения токенов.

1 О внесении изменений в часть первую, часть вторую и часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федер. закона (ред. 26.03.2018 г.) № 424632-7 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170238#037732172763380634 (дата обращения: 01.11.2019 г.).

2 О цифровых финансовых активах: проект федерального закона от 20.03.2018 г. № 419059-7 // электронный ресур СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/4190597 (дата обращения: 01.11.2019 г.).

3 О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, о внесении изменений в отдельные нормативные акты законодательства Российской Федерации: проект федер. закона от 20.03.2018 г. (ред. на 02.08.2019 г.) № 419090-7 // электронный ресурс СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7 (дата обращения: 01.11.2019 г.).

Существенный технологический скачок последних десятилетий привел к переходу многих традиционных отношений в цифровую среду. Появились электронный документооборот, новые объекты гражданских прав (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и другие объекты). Но наиболее резонансным событием стало появление технологии блокчейн, которую в упрощенном виде можно представить как децентрализованную базу данных, содержащую информацию обо всех совершенных ее пользователями операциях. Главная особенность такой базы данных заключается в возможности каждого пользователя отслеживать выполнение операций, чем обеспечивается надежность гражданского оборота в подобной системе. Блокчейн позволил создать новые формы финансовых активов – токены. Их следует понимать как один из возможных видов данных, отражаемых в блокчейне, который представляет собой единицу учета определенного актива [1, с. 32].

Токены принято относить к цифровым активам, которые существуют в двоичной форме, а также имеют реальную или потенциальную стоимость [2, с. 87]. В целом, само понятие «цифровые активы» достаточно абстрактно, к ним также можно отнести и иные объекты. Но наибольший интерес для правового регулирования представляют именно токены, которые в последнее время приобрели чрезвычайно большое значение для развития мирового финансового рынка [3, с. 29]. Поэтому из категории цифровых активов в данной статье рассматриваются исключительно токены.

Выделяют несколько разновидностей токенов [4, с. 85]:

1. Платежные (криптовалюта), являющиеся платежным средством как таковым;

2. Утилитарные, дающие доступ к использованию различных благ или услуг;

3. Инвестиционные, предоставляющие обязательственное право требования к выпустившему их лицу и право на участие в его деятельности;

4. Гибридные, включающие в себя признаки нескольких различных видов токенов.

Как видно из приведенной классификации, токены могут символизировать либо имущественное право в отношении эмитента (право требования, право участия), либо вовсе не отражать наличия какой-либо дополнительной к цифровым данным ценности. Например, как это происходит в случае криптовалюты [1, с. 32]. Следовательно, одни токены удостоверяют имущественные права, обладая признаками ценной бумаги, другие выступают неким универсальным эквивалентом обмена, являясь платежным средством. Получается, что различная экономическая сущность отдельных видов токенов указывает и на их разную правовую природу.

В мировой юридической практике можно наблюдать различное отношение к регулированию токенов. Одни страны запрещают их оборот (Эквадор, Исландия, Египет), другие не запрещают, но и не придают им статус особых объектов (Австралия, Канада, Сингапур, страны Европейского союза). Третьи – признают оборот цифровых активов и регламентируют его (Япония, Республика Беларусь) [4, с. 89]. Россию в настоящее время можно отнести к третьей группе, которая создает для цифровых активов особые нормы.

Наиболее значимым положением нового Закона о цифровых правах является введение в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) нового объекта гражданских прав, обозначенного как «цифровые права». В главу 6 ГК РФ ведена соответствующая ст. 141.1 «Цифровые права»[4], устанавливающая их правовой режим. Важно заметить, что вместе с этим изменениям подверглась и система объектов гражданских прав сама по себе. Ранее бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства в соответствии со ст. 128 ГК РФ относились к категории иного имущества наравне

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

с имущественными правами. В новой редакции статьи бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства относятся вместе с цифровыми правами к категории имущественных прав. Видится, что именно это является верным подходом. В данном ключе Мурзин Д. В. справедливо отмечает, что исчезновение документа, бланка ценной бумаги, приводит к исчезновению двойственности ценной бумаги: остается только «право из бумаги» [5, с. 103].

Таким образом, помимо прочего, нововведением был также законодательно разрешен теоретический спор, следует ли относить бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства к иному имуществу или конкретно к имущественным правам.

Как указывает статья 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей признакам, установленным посредством закона.

Для того чтобы проанализировать этот термин, нужно обратиться к пояснительной записке законопроекта. Как в ней указывается, понятие «цифровое право» заменяет термин «токен», обозначающий шифр, владение которым дает в сети определенные возможности. Сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под ним следует понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которым удостоверяются права на объекты гражданских прав (в частности права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права).[5]

Из приведенных положений можно сделать вывод о том, что цифровое право как разновидность субъективных имущественных прав не является

5 О внесении изменений в часть первую, часть вторую и часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федер. закона (ред. 26.03.2018 г.) № 424632-7 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170238#037732172763380634 (дата обращения: 01.11.2019 г.).

принципиально новым объектом. Оно лишь указывает на особую, цифровую (двоичную) форму существования традиционных имущественных прав – вещных, обязательственных, корпоративных и иных. В этом прослеживается их явная связь с бездокументарными ценными бумагами и безналичными денежными средствами. В целом, об этом говорит и сама ст. 141.1 ГК РФ, указывая, что под цифровыми правами следует понимать «…обязательственные и иные права, существующие и обращающиеся в информационной системе…».

С особой формой существования данных прав в том числе связан обладатель цифрового права, то есть лицо, имеющее возможность распоряжаться имеющимся правом только в указанной выше информационной системе. Так как закон не делает уточнений, а из определения цифровых прав следует, что это, в сущности, традиционные имущественные права, представляется, что субъектный состав в будущей конструкции правоотношения будет таким же, как и в соответствующем традиционном правоотношении. Важно лишь заметить, что правоотношения по поводу цифровых прав складываются при посредничестве «информационной системы», которая, однако, не является субъектом правоотношения и не влияет на сущность последних.

Таким образом, и объекты, и субъекты существующих правоотношений в основе остаются прежними. Не меняется и их содержание – права и обязанности сторон остаются такими же, как и в традиционных правоотношениях. Новая цифровая форма старых прав не меняет существа правоотношений, она указывает лишь на особую среду, в которой эти отношения возникают. Действительно, появляются особенности субъектного состава (обладателем цифрового права является лицо, имеющее возможность распоряжаться цифровым правом в информационной системе), формы закрепления и перехода прав (существование в виде цифрового кода, обозначения в информационной системе, оборот данных прав исключительно в указанной информационной системе), содержания правоотношения (подчинение

обладателей цифровых прав правилам информационной системы помимо общих положений гражданского законодательства). Но это не означает появления нового вида прав как таковых.

Видно, что подход законодателя при введении норм, регулирующих цифровые права, можно отнести скорее к процессу адаптации существующего гражданского законодательства под условия экономики, а не к установлению особого режима для цифровых прав. Данный подход представляется верным, так как, во-первых, он показал свою эффективность в мировой практике (США, Великобритания и иные), а во-вторых, он способствует созданию наиболее универсального понимания объектов гражданских прав, включающего как классические вещи, права и т. п., так и «новые товары», которые нельзя отнести ни к одному общепринятому объекту [6, с. 138–139].

Об этом свидетельствует и установленное законодателем содержание понятия цифровых прав, которое само по себе может пониматься достаточно широко. Оно создает базу не только для регулирования существующих цифровых активов, но и для иных цифровых объектов в будущем.

Следует заметить, что в российском гражданском законодательстве уже имелся опыт интеграции схожих объектов в систему объектов гражданских прав. Речь идет, в первую очередь, о бездокументарных ценных бумагах, под которыми в соответствии со ст. 142 ГК РФ следует понимать обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии с ГК РФ.

Сравнивая признаки цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг, можно прийти к выводу об их схожести. Так, оба явления удостоверяют обязательственные и иные права с их традиционным содержанием, оба осуществляются по определенным правилам учета (бездокументарные ценные бумаги учитываются в специальном реестре в электронной форме, для цифровых прав такой реестр заменяет информационная система). В этих

же базах данных происходит распоряжение объектами. Субъектный состав схожим образом зависит от прав, которые удостоверяют бездокументарные ценные бумаги или цифровые права, при этом в обоих случаях присутствует посредник (реестродержатель и информационная система соответственно).

При этом законопроект № 419059-7 предполагает создание специального оператора обмена цифровых активов (профессионального участника рынка ценных бумаг), то есть юридического лица, совершающего сделки по обмену токенов на рубли или иностранную валюту. Данного оператора можно сравнить с реестродержателем бездокументарных акций. Также упомянутый законопроект часто устанавливает бланкетные нормы, которыми распространяет на оборот цифровых активов положения законодательства о ценных бумагах.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о близости регулирования цифровых активов и бездокументарных ценных бумаг. При этом сами по себе конструкции правоотношений, возникающие по поводу этих объектов, схожи. Бездокументарные ценные бумаги также изначально развивались как новая (электронная) форма выражения правоотношений, связанных с ценными бумагами. В целом, подход к регулированию цифровых активов путем распространения на них законодательства о ценных бумагах по вышеизложенным причинам представляется верным и последовательным.

Подобной модели следуют США, Великобритания, страны Европейского Союза (в том числе близкая к российской правовой системе Германия) и Швейцария [1, с. 34–35]. Важно отметить, что указанные страны распространяют режим ценных бумаг только на токены, удостоверяющие имущественное право, в целом к токенам у перечисленных стран существует дифференцированный подход. Россия на данном этапе установила правовой режим только для токенов-имущественных прав. Хотя попытки законодательно оформить токены, способные выступать платежным средством, представлены в законопроекте № 419059-7, все-таки говорить о будущем их правового положения преждевременно.

Таким образом, правоотношения, складывающиеся по поводу цифровых прав, не являются принципиально новыми для юриспруденции, а лишь указывают на особую (цифровую) форму закрепления и существования традиционных отношений, складывающихся по поводу ценных бумаг. Следовательно появление цифровых прав является всего лишь отражением движения позитивного права от материальных вещей как ранее основных своих объектов к более абстрактным, «многоэтажным» юридическим конструкциям [7, с. 211]. На обеспечение указанных тенденций и направленно в настоящее время правовое регулирование.

Законодательное закрепление такой формы выражения существующих имущественных прав имеет важное значение в условиях активно развивающейся цифровой экономики. Рассматриваемая в данной работе конструкция является базовым элементом в процессе адаптации традиционных правоотношений к условиям цифровой среды, способствует установлению правовой определенности по поводу объективных благ (цифровых), которые фактически уже длительное время существовали, но не могли быть с уверенностью квалифицированы в качестве объектов гражданских прав с точки зрения действующего законодательства.

Однако на данный момент процесс регулирования цифровых прав окончательно не завершен. Новая статья 141.1 ГК РФ указывает, что к цифровым правам могут быть отнесены только те обязательственные и иные права, которые прямо указаны в соответствующем законе. Признаки информационной системы, в которой могут существовать цифровые права, также должны быть определены законом. Упомянутые нормативно-правовые акты в настоящее время находятся на стадии принятия, и не до конца ясно, как будет выглядеть окончательный вариант. Только после вступления в силу законов, после начала их применения на практике станет понятна дальнейшая судьба цифровых прав.

Библиографический список

1. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.
2. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
3. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.
4. Филиппов А. Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 85–91.
5. Мурзин Д. В. Ценные бумаги - бестелесные вещи: Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. – М.: Статут, 1998. – 176 с.
6. Гражданское право: учебник: в 2 т.: 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Степанова. С. А. – М.: Проспект, 2018. – Т. 1. – 704 с.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический): 5-е изд., перераб. и доп. / под. ред. Степанова. С. А.– М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2017. – 1648 с.